

Константин Бальмонт

В БЕЗБРЕЖНОСТИ

Землю целуй, и неустанно
ненасытимо люби, всех люби,
все люби, ищи восторга и
исступления сего.

Достоевский

* * *

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловит уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

ЗА ПРЕДЕЛЫ

Вечность движенья —

Область моя;
Смерть и рождение,
Ткань бытия.

Гете. Дух Земли

БОЛОТНЫЕ ЛИЛИИ

Побледневшие, нежно-стыдливые,
Распустились в болотной глуши
Белых лилий цветы молчаливые,
И вокруг них шелестят камыши.

Белых лилий цветы серебристые
Вырастают с глубокого дна,
Где не светят лучи золотистые,
Где вода холодна и темна.

И не манят их страсти преступные,
Их волненья к себе не зовут;
Для нескромных очей недоступные,
Для себя они только живут.

Проникаясь решимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются с пышностью гордою
Белых лилий немые цветы.

Расцветут, и поблекнут бесстрастные,
Далеко от владений людских,
И распустятся снова, прекрасные, —
И никто не узнает о них.

* * *

Все мне грезится Море да Небо глубокое,
Бесконечная грусть, безграничная даль,
Трепетание звезд, их мерцанье стоокое,
Догорающих тучек немая печаль.

Все мне чудится вздох камыша почернелого,
Глушь родимых лесов, заповедный затон,
И над озером пение лебедя белого,
Точно сердца несмелого жалобный стон.

НА ДАЛЬНОМ ПОЛЮСЕ

На дальнем полюсе, где Солнце никогда
Огнем своих лучей цветы не возрождает,
Где в мертвом воздухе оплоты изо льда
Безумная Луна, не грея, освещает, –

В пределах Севера тоскует Океан
Неумирающим бесцельным рокотаньем,
И, точно вспугнутый, крутится ураган,
И вдаль уносится со вздохом и с рыданьем.

На дальнем полюсе, где жизнь и смерть – одно,
Момент спокойствия пред вечером подкрался: –
Все было ярким сном лучей озарено,
И только Океан угрюмо волновался.

Но вот застыл и он. Была ясна вода,
Огнистая, она терялась в пространстве,
И, как хрустальные немые города,
Вздымались глыбы льдов – в нетронутом убранстве.

И точно вопрошал пустынный мир: «За что?»
И красота кругом бессмертная блистала,
И этой красоты не увидел никто,
Увы, она сама себя не увидела.

И быстротечный миг был полон странных чар, –
Полуугасший день обнялся с Океаном.
Но жизни не было. И Солнца красный шар
Тонул в бесстрастии, склоняясь к новым странам.

КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают, – и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик,
То Месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего?» – камыши говорят.
«Зачем огоньки между нами горят?»

Но Месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

ПОДВОДНЫЕ РАСТЕНЬЯ

Сонет

На дне морском подводные растенья
Распространяют бледные листья,
И тянутся, растут как привиденья,
В безмолвии угрюмой темноты.

Их тяготит покой уединенья,
Их манит мир безвестной высоты,
Им хочется любви, лучей, волненья,
Им снятся ароматные цветы.

Но нет пути в страну борьбы и света,
Молчит кругом холодная вода.
Акулы проплывают иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привета,
И сверху посылает зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

ПУСТЫНЯ

Я видел Норвежские фьорды с их жесткой бездушной красотой,
Я видел долину Арагвы, омытую свежей росой,
Исландии берег холодный, и Альп снеговые хребты, –
Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.

Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующих гор
Лишь краткой окутают лаской, на миг убаюкают взор,
А образ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходит из сердца, навек отравляет мечты.

В молчаньи песков беспредельных я слышу неведомый шум,
Как будто в дали неоглядной встает и крутится самум,
Встает, и бежит ,пропадает, – и снова молчанье растет,
И снова мираж лучезарный обманно узоры плетет.

И манит куда-то далеко незримая чудная власть,
И мысль поднимается к Небу, чтоб снова бессильно упасть:
Как будто бы Жизнь задрожала ,с напрасной мечтой и борьбой,
И Смерть на нее наступила своєю тяжелой стопой.

ЗМЕИНЫЙ ГЛАЗ

Датскому лирику Тору Ланге

Огней полночных караван
В степи Небес плывет.
Но кто меня в ночной туман
Так ласково зовет?

Зачем от сердца далека
Мечта о Небесах?
Зачем дрожит моя рука?
Зачем так манит прах?

Болото спит. Ночная тишь
Растет и все растет.
Шуршит загадочно камыш.
Змеиный глаз цветет.

Змеиный глаз глядит, растет,
Его лелеет Ночь.
К нему кто близко подойдет,
Уйти не может прочь.

Он смутно слышит свист змеи,
Как нежный близкий зов,
Он еле видит в забытьи
Огни иных миров.

Не манит блеск былых утех,
Далек живой родник.
В болоте слышен чей-то смех,
И чей-то слабый крик.

ГИБЕЛЬ

Предчувствием бури окутан был сад.
Сильней заструился цветов аромат.
Узлыстые сучья как змеи сплелись.
Змеистые молнии в тучах зажглись.

Как хохот стократный, громовый раскат
Смутил, оглушил зачарованный сад.
Свернулись, закрылись цветов лепестки.
На тонких осинах забились листки.

Запрыгал мелькающий бешеный град.
Врасплох был захвачен испуганный сад.
С грозой обняться и слиться хотел.
Погиб – и упиться грозой не успел.

* * *

Е. А. Варженевской

Вечерний свет погас.
Чуть дышит гладь воды.
Настал заветный час
Для искристой Звезды.

Она теперь горит,
Окутанная мглой,
И светом говорит
Не с Небом, а с Землей.

Увидела она,
Как там внизу темно,
Как сладко спит волна,
Как спит речное дно.

И вот во мгле, вдали,
Открыв лицо свое,
Кувшинки расцвели
И смотрят на нее.

Они горят в ночи,
Их нежит гладь воды,
Ласкают их лучи
Застенчивой Звезды.

И будут над водой
Всю ночь они гореть,
Чтоб с Утренней Звездой
Стыдливо умереть.

ИСПОЛИНСКИЕ ГОРЫ

Исполинские горы,
Заповедные скалы.
Вы – земные узоры,
Вы – вселенной кристаллы.

Вы всегда благородны,
Неизменно прекрасны,
От стремлений свободны,
К человеку бесстрастны.

Вы простерли изломы,
Обрамленные мохом,
Вы с борьбой незнакомы,
Незнакомы со вздохом.

Вы спокойно безмолвны,
Вас не тронут рыдания,
Вы – застывшие волны
От времен Мирозданья.

КОВЫЛЬ

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит Месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному,
И непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

ОКЕАН

Сонет

Вдали от берегов Страны Обетованной,
Храня на дне души надежды бледный свет.
Я волны вопрошал, и Океан туманный
Угрюмо рокотал и говорил в ответ.

«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.
Ты вверился мечте обманчивой и странной.
Скитайся дни, года, десятки, сотни лет, –
Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».

И вдруг поняв душой всех дерзких снов обман,
Охвачен пламенной, но безутешной думой,
Я горько спросил безбрежный Океан, –

Зачем он страстных бурь питает ураган,
Зачем волнуется, – но Океан угрюмый,
Свой ропот заглушив, окутался в туман.

* * *

Вечно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
Оба окутаны светом мертвенно-бледной Луны.
Ветер в пространстве смутился, смолк в безутешном просторе,
Небо, и Ветер, и Море грустью одною больны.

В холоде гибнет и меркнет все, что глубоко и нежно,
В ужасе Небо застыло, странно мерцает Луна.
Горькая влага бездонна, Море синее безбрежно,
Скорь бытия неизбежна, нет и не будет ей дна.

ЛЕБЕДЬ

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится, печальная,
 Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий

И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

БЕСПРИЮТНОСТЬ

Сонет

Меня не манит тихая отрада,
Покой, тепло родного очага,
Не снятся мне цветы родного сада
Родимые безмолвные луга.

Краса иная сердцу дорога,
Я слышу рев и рокот водопада,
Мне грезятся морские берега,
И гор неумолимая громада.

Среди других обманчивых утех
Есть у меня заветная утеха:
Забывать, что значит плач, что значит смех, —

Будить в горах грохочущее эхо.
И в бурю созерцать, под гром и вой,
Величие пустыни мировой.

НАД ПУЧИНОЙ МОРСКОЙ

*Фаине****

Над пучиной морской, тяготея, повисла скала,
У подножья скалы бьются волны толпой неустанной,
Греет зной ее камни, к ней ластятся ветер и мгла,
Но безмолвна она – в час ночной, в час зари златотканой.

Белоснежная тучка мелькнет и растает над ней,
Прощебечет блуждающих птиц перелетная стая,
Загорится, забрезжит за морем звезда золотая,
Небо вспыхнет в ответ мириадами синих огней.

Но не видя, не внемля, гранитная дремлет громада,
Если ж волны сильнее нахлынут, журча и звеня,
Словно шепчет она еле слышно: «Не надо... не надо...
Утишите волнение свое... Не будите меня...»

В ПЕЩЕРЕ

В пещере угрюмой, под сводами скал,
Где светоч дневной никогда не сверкал,
Иду я на ощупь, не видно ни зги,
И гулко во тьме отдаются шаги.

И кто-то со мною как будто идет,
Ведет в лабиринте вперед и вперед.
И, вскрикнув, я слышу, как тотчас вокруг,
Ответный, стократный, разносится звук.

Скользя по уступам, иду без конца,
Невольно мне чудится очерк лица,
Невольно хочу я кого-то обнять,
Кого, – не могу и не смею понять.

Но тщетно безумной томлюсь я тоской: –
Лишь голые камни хватаю рукой,
Лишь чувствую сырость на влажной стене, –
И ужас вливается в сердце ко мне.

«Кто шепчет?» – кричу я. «Ты друг мне? Приди!»
И голос гремит и хохочет: «Иди!»
И в страхе кричу я: «Скажи мне, куда?»
И с хохотом голос гремит: «Никуда!»

Бесплодно скитанье в пустыне земной,
Близнец мой, страданье, повсюду со мной.
Где выход, не знаю, – в пещере темно,
Все слито в одно роковое звено.

АЮДАГ

Синеет ширь морская, чернеет Аюдаг.
Теснится из-за Моря, растет, густеет мрак.
Холодный ветер веет, туманы поднялись,
И звезды между тучек чуть видные зажглись.

Не слышно Ночь ступает, вступает в этот мир,
И таинство свершает, и шествует на пир.
Безмолвие ей шепчет, что дню пришел конец,
И звезды ей сплетают серебряный венец.

И все полней молчанье, и все чернее мрак.
Застыл, как изваянье, тяжелый Аюдаг.
И Ночь, смеясь, покрыла весь мир своим крылом,
Чтоб тот, кто настрадался, вздохнул пред новым злом.

* * *

В этой жизни смутной
Нас повсюду ждет –
За восторг минутный –
Долгой скорби гнет.

Радость совершенства
Смешана с тоской.
Есть одно блаженство: –
Мертвенный покой.

Жажду наслажденья
В сердце победы,
Усыпи волненья,
Ничего не жди.

* * *

Нет, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться,
В сердце волненье растет и растет!

Может ли ветер свободный кому покориться?
Может ли звезд не блистать хоровод?

Нет, мне не нужно покоя, не нужно забвенья,
Если же счастье нам не дано, –
В море отчаянья, в темную бездну мученья
Брошусь на самое дно!

В ЧАС РАССВЕТА

Над ущельем осторожным, меж тревожных чутких скал,
Переключке горных духов в час рассвета я внимал.
Со скалы к скале срывался, точно зов, неясный звук.
Освеженный, улыбался, пробуждался мир вокруг.

Где-то серна пробежала, где-то коршун промелькнул,
Оборвался тяжкий камень, между скал раздался гул.
И гнездится, и клубится легкий пар, источник туч,
Зацепляясь, проползает по уступам влажных круч.

И за гранью отдаленной, – радость гор, долин, полей, –
Отрывает лик победный, все полней и все светлей,
Ярко-красное Светило расцветающего дня,
Как цветок садов гигантских, полный жизни и огня.

ВЕТЕР

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,
Под солнечным блеском палящим,
И под влажным мерцаньем Луны.
Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим,
И легендам приморской волны.

Желаньем томясь несказанным,
Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном,
И с вечернею тучкой плыву.
И часто в восторге нежданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанным,
В ненасытной тревоге живу.

ПРИЗРАКИ

Шелест листьев, шопот трав,
Переплеск речной волны,
Ропот ветра, гул дубрав,
Ровный бледный блеск Луны.

Словно в детстве предо мною,
Над речною глубиною,
Нимфы бледною гирляндой обнялись, переплелись.
Брызнут пеной, разомкнутся,
И опять плотней сожмутся,
Опускаясь, поднимаясь, на волне и вверх и вниз.

Шепчут темные дубравы,
Шепчут травы про забавы
Этих бледных, этих нежных обитательниц волны.
К ним из дали неизвестной
Опустился эльф чудесный,
Как на нити золотистой, на прямом луче Луны.

Выше истины земной,
Обольстительнее зла,
Эта жизнь в тиши ночной,
Эта призрачная мгла.

ЗАРОЖДЕНИЕ РУЧЬЯ

На вершине скалы, где потоком лучей
Солнце жжет горячей, где гнездятся орлы,
Из туманов и мглы зародился ручей,
Все звончей и звончей по уступам скалы
Он волной ударял, и гранит повторял
Мерный отзвук на звук, возникавший вокруг.

Как прозрачный кристалл, как сверкающий луч,
Переменчивый ключ меж камней трепетал,
На граните блистал, и красив, и певуч,
Жаждой жизни могуч, он от счастья рыдал,
И кричали орлы, на уступах скалы,
У истоков ручья, в торжестве бытия.

ДУХ ВЕТРОВ

Дух ветров, Зефир игривый
Прошумел среди листов,
Прикоснулся шаловливый
К нежным чашечкам цветов.

И шепнул неуловимый,
И волною шевельнул,
К арфе звучной и незримой
Дланью быстрою прильнул.

И с беспечностью ребенка,
Не заботясь ни о чем,
Он играл легко и звонко
В ясном воздухе ночном.

И влюбленные наяды
Показались из волны,
И к нему кидали взгляды
В свете гаснущей Луны.

Нимфа с нимфою шепталась,
О блаженстве говоря.
А за Морем пробуждалась
Розоперстая заря.

* * *

Ветер перелетный обласкал меня
И шепнул печально: «Ночь сильнее дня».
И закат померкнул. Тучи почернели.
Дрогнули, смутились пасмурные ели.

И над темным морем, где крутился вал,
Ветер перелетный зыбью пробежал.
Ночь царила в мире. А меж тем далеко,
За морем зажглося огненное око.

Новый распустился в небесах цветок,
Светом возрожденным заблистал Восток.
Ветер изменился, и пахнул мне в очи,
И шепнул с усмешкой: «День сильнее ночи».

РУЧЕЙ

(с восточного)

Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей?
Пусть ты скован цепями суровой зимы,
Скоро вспыхнет весна, запоешь ты звончей,
На заре, под покровом немой полутьмы.

И свободный от мертвых бездушных оков,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
И на твой жизнерадостный сладостный зов
Вольный отклик послышится в чаще лесной.

И, под шелест листка, ветерка поцелуй
Заволнует твою белоснежную грудь,
И застенчивым лилиям в зеркало струй
На себя будет любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится под лаской лучей,
И бесследно растают оковы зимы.
Что ж ты плачешь, скорбящий звенящий ручей,
Что ж ты рвешься так страстно из темной тюрьмы?

* * *

Утомленное Солнце, стыдясь своего утомленья,
Раскрасневшийся лик наклонило и скрыло за лесом,
Где чуть дышит, чуть шепчет в ветвях ветерка дуновенье,
Где листва чуть трепещет в лучах изумрудным навесом.

Распростертую Землю ласкало дневное Светило,
И ушло на покой, но Земля не насытилась лаской,
И с бледнеющим Месяцем Солнцу она изменила,
И любовь их зажглась обольстительной новой сказкой.

Вся небесная даль озарилась улыбкой стыдливой,
На фиалках лесных заблистали росой слезинки,
Зашепталась речная волна с серебристой ивой,
И, качаясь на влаге, друг другу кивали кувшинки.

ЗВУКИ ПРИБОЯ

Как глух сердитый шум
Взволнованного Моря!
Как свод Небес угрюм,
Как бьются тучи, споря!

О чем шумит волна,
О чем протяжно стонет?

И чья там тень видна,
И кто там в Море тонет?

Гремит морской прибой,
И долог вой упорный:
«Идем, идем на бой,
На бой с Землею черной!

Разрушим грань Земли,
Покроем все водою!
Внемли, Земля, внемли,
Наш крик грозит бедою!

Мы все зальем, возьмем,
Поглотим жадной бездной,
Громадой волн плеснем,
Взберемся в мир надзвездный!»

«Шуми, греми, прибой!»
И стонут всплески смеха.
«Идем, идем на бой!» –
«На бой» – грохочет эхо.

МОРСКОЕ ДНО

Сонет

С морского дна безмолвные упреки
Доносятся до ласковой Луны –
О том, что эти области далеки
От воздуха, от вольной вышины.

Там все живет, там звучен плеск волны,
А здесь на жизнь лишь бледные намеки,
Здесь вечный сон, пустыня тишины,
Пучины Моря мертвенно-глубоки.

И вот Луна, проснувшись в высоте,
Поит огнем кипучие приливы,
И волны рвутся к дальней Красоте.

Луна горит, играют переливы, –
Но там, под блеском волн, морское дно
По-прежнему безжизненно-темно.

Кто это ходит в ночной тишине,
Кто это бродит при бледной Луне?

Сонные ветви рукою качает,
Вздохом протяжным на вздох отвечает.

Кто над немою дремою стоит,
Влажным дыханием травы поит?

Чье это видно лучистое око –
Ближе и ближе – и снова далеко?

Слышно, как старые сосны шумят,
Слышен гвоздики ночной аромат.

В сонном болоте знакомые травы
Больше не дышат дыханьем отравы.

Тише! Останься, помедли со мной!
Кто ты, – не знаю, о, призрак ночной.

Сладко с тобой под Луною встречаться,
С призраком – призраком легким качаться.

Что же ты вновь убегаешь, скользя, –
Или нам ближе обняться нельзя?

Или подвластны мы чарам запрета
В царстве холодного лунного света?

Кто ж это гонится там за тобой? –
Призрак сверкает блестящей стопой.

Легким видением тень убегает, –
Только на небе зарница мелькает.

ОСТРОВ ЦВЕТОВ

Графине Е. Н. Толстой

Жемчужина морей,
Цветущий Остров дремлет,
И в пышности своей
Волнам влюбленным внемлет.

Над ним – простор Небес,

Кругом – пустыня Моря,
На нем зеленый лес
Шумит, прибою вторя.

Здесь нет людских следов,
Здесь легкий ветер веет,
Он чашечки цветов
Дыханием лелеет.

Безмолвные цветы –
Властители пространства,
И жаждой красоты
Живет цветов убранство.

И вот за гранью гор
Встает дворец Востока, –
Украшен трав ковер
Цветами златоока.

И снова в свой черед
Вздохнет Закат усталый,
И берег вновь цветет,
Лазурный, желтый, алый.

Проходит жизнь как сон,
Рассвет, как прежде, пышен,
Полет седых времен
Над Островом не слышен.

Лучи с Небес глядят,
И кроток свет Заката,
Цветы лучам кадят
Струями аромата.

Кадиланица морей,
Цветами Остров дышит,
А ветер сеть ветвей
Колышет и колышет.

ТУМАНЫ

Туманы таяли и вновь росли над лугом,
Ползли, холодные, над мертвою травой,
И бледные цветы шептались друг с другом,
Скорбя застывшею листвою.

Они хотели жить, блистая лепестками,
Вздыхать, дышать, гореть, лелеять аромат,
Любиться с пчелами, дрожать под мотыльками,

Из мира сделать пышный сад.

Они изнемогли под сыростью тумана,
И жаждали зари, и жаждали огня,
И плакали, что смерть приходит слишком рано,
Что поздно вспыхнут краски дня.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
Воздушным кораблем повисли над землей.
И ветры буйные, смеясь, его качали,
И свет боролся с тусклой мглой.

Все жарче день пылал сверкающим приветом,
Холодный круг земли дыханьем горяча, –
И облако зажглось, пронизанное светом
Непобедимого луча!

ЧАХЛЫЕ СОСНЫ

Хмурятся скалы, оплоты земной тишины:
Ветер в пролетах свистит от стены до стены.

Таинство жизни трепещет среди мертвых камней,
Что-то забилося, как будто бы тени теней.

Чахлые сосны растут на отвесной стене,
Шепчут под Солнцем, и зябнут при тусклой Луне.

Хочется соснам на горную высь посягнуть:
Цепкие корни въедаются в твердую грудь.

Скупое их кормят бездушные глыбы скалы.
С жадными криками носятся сверху орлы.

Чахлые сосны без влаги растут и растут.
Чахлые сосны к Лазури дорогу найдут!

ЛЮБОВЬ И ТЕНИ ЛЮБВИ

Amore e'l cor gentil sono una cosa.
Dante

Воспоминанье граничит с раскаяньем.
Бальмонт

* * *

В пустыне безбрежного Моря
Я остров нашел голубой,
Где, арфе невидимой вторя,
И ропщет и плачет прибой.

Там есть позабытая вилла,
И, точно видение, в ней
Гадают седая Сибилла,
В мерцаньи неверных огней.

И тот, кто взойдет на ступени,
Пред Вещей преклонится ниц, —
Увидит поблекшие тени
Знакомых исчезнувших лиц.

И кто, преклоняясь, заметит,
Как тускло змеятся огни,
Тот взглядом сильнее их засветит, —
И вспомнит погибшие дни.

И жадным впиваясь взором
В черты бестелесных теней,
Внимая беззвучным укорам,
Что бури громовой слышней, —

Он вскрикнет, и кинется страстно
Туда, где былая стезя...
Но тени пройдут безучастно,
И с ними обняться — нельзя.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В царстве света, в царстве тени, бурных снов и тихой лени,
В царстве счастья земного и небесной красоты,
Я всем сердцем отдавался чарам тайных откровений,
Я рвался душой в пределы недоступной высоты,
Для меня блистало Солнце в дни весенних упоений,
Пели птицы, навевая лучезарные мечты,
И акации густые и душистые сирени
Надо мною наклоняли белоснежные цветы.

Точно сказочные змеи, бесконечные аллеи
Извивались и сплетались в этой ласковой стране,
Эльфы светлые скликались, и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей Луне,

И с улыбкою богини, с нежным профилем камеи,
Чья-то тень ко мне бесшумно наклонялась в полусне,
И зардевшиеся розы и стыдливые лилеи
Нашу страсть благословляли в полуночной тишине.

НОЧЬ

Скоро на небе Месяц проглянет.
Листья застыли. Время уснуть.
Ночь пронесется. Утро настанет.
Снова забота сдавит нам грудь.

Птички замолкли. Друг бесприютный,
Птички заснули, – что ж ты не спишь?
Сердцем отдайся грезе минутной.
В Небе глубоком звездная тишь.

Скоро двурогий Месяц засветит.
Слышишь, как дышит, шепчет сирень?
Сумрак полночный мыслям ответит.
Тьма нас ласкает. Кончился день.

Что же ты плачешь? Видишь – мы рядом.
Будем друг друга тихо любить.
Что же ты смотришь горестным взглядом?
Или не можешь полдень забыть?

Все, что смущало, все, чем обманут,
Встало волною, плещется в грудь.
Звезды светить нам дважды не станут.
Ночь убывает. Снов не вернуть.

Серая чайка плачет над морем.
В Небе свинцовом тусклая мгла.
Ах, не расстаться с тягостным горем!
Где же мы были? Ночь уж прошла.

БАЮШКИ-БАЮ

Спи, моя печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Вечно молчаливая.
 Я тебе спою
 Баюшки-баю.
С радостью свидания

К нам идут страдания,
Лучше – отречение,
Скорбь, самозабвение.
Счастья не жди,
В сердце не гляди.
В жизни кто оглянется,
Тот во всем обманется,
Лучше безрассудными
Жить мечтами чудными.
Жизнь проспаться свою.
Баюшки-баю.
Где-то море пенится,
И оно изменится,
Утомится шумное,
Шумное, безумное.
Будет под Луной
Чуть дышать волной.
Спи же, спи, печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Птичка боязливая.
Я тебе пою
Баюшки-баю.

* * *

Не могу я забыть неотступный укор,
Что застыл в глубине неподвижных очей,
Он повсюду со мной, этот мертвенный взор,
И в сиянии дня, и в молчаньи ночей.

Всюду вижу ее, хоть ее уже нет,
С кем когда-то восторг и страданье делил,
Ту, в чьем сердце всегда находил я ответ,
Ту, кого я ласкал, и, лаская, убил.

Сколько раз я внимал рокотанью морей,
Сколько раз уходил в безмятежие гор,
Но во мраке ночном и в сиянии лучей
Пред собой я встречал укоризненный взор.

Всюду вижу как сон – запрокинутый труп,
Он молчит, он живет выраженьем лица,
И усмешкой немой исказившихся губ
Он со мной говорит – говорит без конца.

* * *

День за днем ускользает несмело,
Ночи стелют свой черный покров.
Снова полночь немая приспела,
Слышен бой колокольных часов.

Гулкий звон разрастается, стонет,
Заунывным призывом звучит,
И в застывшем безмолвии тонет, —
И пустынная полночь молчит.

Медный говор так долго тянулся,
Что, казалось, не будет конца.
И как будто вдали улыбнулся
Милый очерк родного лица.

И забылся весь ужас изгнания,
Засветился родимый очаг..
Но мгновенно настало молчанье,
Неоглядный раскинулся мрак.

Дверь открылась и снова замкнулась,
Луч блеснул, и его не видать, —
И бессильно в груди шевельнулось
То, чему не бывать, не бывать.

* * *

Мы шли в золотистом тумане,
И выйти на свет не могли,
Тонули в немом Океане,
Как тонут во мгле корабли.

Нам снились видения Рая,
Чужие леса и луга,
И прочь от родимого края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользающим взглядом
К пределам безвестной земли,
Дышали с тобою мы рядом,
Но был я как будто вдали.

И лгали нам ветры и тучи,
Смеялись извивы волны,
И были так странно певучи
Беззвучные смутные сны.

И мы бесконечно тонули,
Стремясь от влаги к земле –
И звезды печально шепнули,
Что мы утонули во мгле.

ОАЗИС

Ты была как оазис в пустыне,
Ты мерцала стыдливой звездой,
Ты Луною зажглась золотой,
И тебе, недоступной богине,
Отдавал я мечту за мечтой.

Я решился в желании смелом
По кремнистой дороге идти
И не медлить нигде на пути,
Ты казалась мне высшим пределом,
За который нельзя перейти.

И потом... О, какое мученье!
К недоступному доступ найден.
Я как жалкий ребенок смущен.
Где любовь, где восторг упоенья?
Все прошло, ускользнуло, как сон.

Я мечты отдавал не богине,
Ты – все, ты – земля на земле,
Я один в удушающей мгле.
Я очнулся в бесплодной пустыне,
Я проснулся на жесткой скале.

* * *

Колеблются стебли зеленой долины,
Их красит цветов разноцветный убор.
А справа и слева дымятся вершины,
Дымятся вершины торжественных гор.

Я бросил свой дом, он исчез за горами,
Оставил навеки родную семью.
Под Небом глубоким с его облаками.
Меж гор многоснежных, в раздумьи стою.

Я жду, чтобы брызнули краски рассвета,
Чтоб легкий от гор удалился дымок.
Но в сердце напрасно ищу я ответа,

Где Запад и Север, где Юг и Восток.

Я жду. Все воздушней оттенки Лазури.
Над сонной долиной – немой полусвет.
Бледнеют обрывки умолкнувшей бури.
И вот загорается где-то рассвет.

Блеснули цветы пробужденной долины.
В небесном пространстве заискрился день.
Но с левой горы, с недоступной вершины,
Легла на меня исполинская тень.

Я стал удаляться от тени угрюмой,
Но тень, вырастая, скользила за мной.
Долина блистала смеющейся думой,
А я был преследуем тьмою ночной.

И вспыхнул закат перламутрово-алый,
За горы склонялся задумчивый день,
До новой горы доходил я, усталый,
И с правой горы опрокинулась тень.

И тени слились. И заря догорела.
И горы окутались в сумрак ночной.
С вершины к вершине, протяжно, несмело,
Пророчества духов неслись надо мной.

* * *

В молчаньи забывшейся ночи
Уснул я при бледной Луне,
И странно-знакомые очи
Во сне наклонялись ко мне.

И странно-печальные речи
Я слышал смущенной душой,
И знал, что дождался я встречи
С родной, отдаленно-чужой.

И вот белоснежные крылья
Растут и дрожат в полусне,
И плавно, легко, без усилья,
Мы близимся к бледной Луне.

И чье-то остывшее тело
Внизу разглядеть я хочу.
Но нет для бессмертья предела,
Я выше, все выше лечу!

* * *

Не буди воспоминаний. Не волнуй меня.
Мне отраден мрак полночный. Страшен светоч дня.

Был и я когда-то счастлив. Верил и любил.
Но когда и где, не помню. Все теперь забыл.

С кем я жизнь свою размыкал? И зачем, зачем?
Сам не знаю. В сердце пусто. Ум бессильный нем.

Дождь струится беспощадный. Ветер бьет в окно.
Смех беспечный стих и замер – далеко, давно.

Для чего ж ты вновь со мною, позабытый друг?
Точно тень, встаешь и манишь. Но темно вокруг.

Мне не нужен запоздалый, горький твой привет.
Не хочу из тьмы могильной выходить на свет.

Нет в душе ни дум, ни звуков. Нет в глазах огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

ТРИОЛЕТЫ

1

Твоя застенчивая нежность –
В земле сокрытый водопад,
В ней страсти дремлющей безбрежность.
Твоя застенчивая нежность –
Растущей тучи безмятежность,
Цветов несмятых аромат.
Твоя застенчивая нежность –
Готовый вспыхнуть водопад.

2

Немая царственная вечность
Для вас зажгла свои огни,
Любви блаженства и беспечность.
Немая царственная вечность
Вас увлекает в бесконечность,
И в целом мире – мы одни:
Немая царственная вечность

Для нас зажгла свои огни.

3

Любви цветок необычайный,
Зачем так рано ты поблек!
Твое рожденье было тайной,
Любви цветок необычайный,
Ты мне блеснул мечтой случайной,
И я, как прежде, одинок.
Любви цветок необычайный,
Зачем так рано ты поблек!

4

Ты промелькнула, как виденье,
О, юность быстрая моя,
Одно сплошное заблужденье!
Ты промелькнула, как виденье,
И мне осталось сожаленье,
И поздней мудрости змея.
Ты промелькнула, как виденье,
О, юность быстрая моя!

РУСАЛКИ

Мы знаем страсть, но страсти неподвластны.
Красою наших душ и наших тел нагих
Мы только будим страсть в других,
А сами холодно-бесстрастны.

Любя любовь, бессильны мы любить.
Мы дразним и зовем, мы вводим в заблужденье,
Чтобы напиток охлаждения
За знойной вспышкой жадно пить.

Наш взгляд глубок и чист, как у ребенка.
Мы ищем Красоты и мир для нас красив,
Когда, безумца погубив,
Смеемся весело и звонко.

И как светла изменчивая даль,
Когда любовь и смерть мы заключим в объятье,
Как сладок этот стон проклятья,
Любви предсмертная печаль!

ПОЗДНО

Два сонета

1

О, если б кто-нибудь любил меня, как ты,
В те дни далекие предчувствий и печали,
Когда я полон был дыханьем красоты,
И гимны ангелов заоблачных звучали.

На думы тайные мне тучки отвечали,
Луна сочувственно глядела с высоты,
Но струны лучшие в душе моей молчали,
И призрак женщины смутил мои мечты.

И призрак женщины склонялся надо мною.
Я жаждал счастья. Но призрак изменял.
И много дней прошло. Ты встретила со мною.

Я полюбил тебя. Но точно бурный вал,
Предвестник гибели, какой-то голос грозно
Гремит насмешкою и вторит: «Поздно! Поздно!»

2

С неверным спутником – непрочным челноком –
Пристал я к берегу и ждал успокоенья.
Увы, я опоздал, застигнут был врагом:
Гремучий вал скользил, дрожал от нетерпенья.

Прилива жадного кипучее волнение
Окутало меня. За легким ветерком
Нахлынула гроза, и силою теченья
Я схвачен, унесен, лежу на дне морском.

Я в Море утонул. Теперь моя стихия –
Холодная вода, безмолвие, и мгла.
Вокруг меня кишат чудовища морские.

Постелью служит мне подводная скала,
Подводные цветы цветут без аромата.
И к звездам нет пути, и к Солнцу нет возврата.

АРГУЛИ

Слушай! Уж колокол плачет вдали.
Я умираю.
Что мне осталось? Прижаться лицом к Аргули!
Точно свеча, я горю и сгораю.

Милый мой друг.
Если бездушная полночь свой сумрак раскинет вокруг,
Голосу друга умершего чутко внемли,
Сердцем задумчиво-нежным
Будешь ты вечно моею, о, птичка моя, Аргули!

Будь далека от земли, и крылом белоснежным
Вечно скользи
В чистых пределах небесной стези.
Мыслям отдайся безбрежным,
Плачь и мечтай,
Прочь от враждебной земли улетай.

Лучше бродить по вершинам холодным и снежным,
Взор навсегда обратить к Красоте,
Лучше страдать, но страдать на такой высоте,
Духом мятежным
Так унести, чтоб земля чуть виднелась вдали.
О, моя птичка! Моя Аргули!

МЭРИ

Сонет

Когда в глухой тиши старинного музея,
Исполненный на миг несбыточной мечты,
Смотрю на вечные созданья красоты,
Мне кажется живой немая галерея.

И пред Мадоннами душой благоговя,
Я вижу много в них священной простоты,
И в книге прошлого заветные листы
Читаю я один, волнуясь и бледнея.

Так точно близь тебя душою я постиг,
Что можно пережить века в единый миг,
Любить и тосковать, о том сказать не смея,

И выразить всех чувств волшебных не умея, –
Я вечной Красоты в тебе познал родник,
Мечта художника, безмолвная камея.

* * *

Слова смолкали на устах,
Мелькал смычок, рыдала скрипка,
И возникала в двух сердцах
Безумно-светлая ошибка.

И взоры жадные слились
В мечте, которой нет названья,
И нитью зыбкою сплелись,
Томясь, и не страшась признанья.

Среди толпы, среди огней
Любовь росла и возрастала,
И скрипка, точно слившись с ней,
Дрожала, пела, и рыдала.

ТРУБАДУР

Мадонна, солнце между звезд, мадонн прекрасных украшень,
Ты в сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть и возрожденье.
Как саламандра, я горю в огне любви, но не сгораю,
Как лебедь, песню я пою, и после песни умираю.

Мадонна, цвет среди цветов, среди красавиц украшень,
Тебе – мой вздох, тебе – мой стих, нежней, чем утра дуновенье.
Как феникс, я хочу сгореть, чтобы восстать преображенным,
И для мадонны умереть, и для мадонны жить влюбленным.

СЛОВА ЛЮБВИ

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,
Как в час предутренний – звезда,
Они журчат, как ключ в пустыне,
С начала мира и доньше,
И будут первыми всегда.
Всегда дробясь, повсюду цельны,
Как свет, как воздух, беспредельны,
Легки, как всплески в тростниках,
Как взмахи птицы опьяненной,
С другою птицею сплетенной
В летучем беге, в облаках.

* * *

Смешались дни и ночи,
Едва гляжу на свет,
Видений ищут очи,
Родных видений нет.

Все то, чему смеялась
Влюбленная душа,
К безвестному умчалось,
И плача, и спеша.

Поблекли маргаритки,
Склонив головки вниз,
И липкие улитки
На листьях собрались.

И если предо мною,
Над лоном сонных вод,
Бессмертною Луною
Блестает небосвод, –

Мне кажется, что это
Луна погибших дней,
И в ней не столько света,
Как скорби и теней.

И если ветер злится,
И если дождь идет,
Моя душа томится
И странно счастья ждет.

И плачут, плачут очи,
И Солнца больше нет,
Смешались дни и ночи,
Слились и тьма, и свет.

БЕАТРИЧЕ

Сонет

Я полюбил тебя, лишь увидал впервые.
Я помню, шел кругом ничтожный разговор,
Молчала только ты, и речи огневые,
Безмолвные слова мне посылал твой взор.

За днями гасли дни. Уж год прошел с тех пор.

И снова шлет Весна лучи свои живые,
Цветы одели вновь причудливый убор.
А я? Я все люблю, как прежде, как впервые.

И ты по-прежнему безмолвна и грустна,
Лишь взор твой искрится и говорит порою.
Не так ли иногда владычица-Луна

Свой лучезарный лик скрывает за горою, –
Но и за гранью скал, склонив свое чело,
Из тесной темноты она горит светло.

* * *

Отчего нас всегда опьяняет Луна?
Оттого, что она холодна и бледна.
Слишком много сиянья нам Солнце дает,
И никто ему песни такой не сплет,
Что к Луне, при Луне, между темных ветвей,
Ароматною ночью поет соловей.

Отчего между женщин нам дороги те,
Что бесстрастны в победной своей красоте?
Оттого, что в волшебной холодности их
Больше скрытых восторгов и ласк огневых,
Чем в сиянии щедрой покорной мечты,
Чем в объятьях доступной для нас красоты.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ ЛАНЬ

1

Печальные глаза, изогнутые брови,
Какая властная в вас дышит красота!
Усмешкой горькою искажены уста.
Зачем?

Так глубоко волнуешь ты и манишь, –
И страшной близости со мной достигнув, – вдруг
Ты изменяешься. И вновь темно вокруг.
Ты вновь чужая мне. Зачем?
Я умираю.
Что значит этот смех? Что значит этот взгляд?
Глядят так ангелы? Так духи тьмы глядят?

2

Черноглазая лань, ты глядишь на меня,
И во взоре твоём больше тьмы, чем огня.

Не гляди. Погляди. От любви я умру.
Я люблю этих глаз роковую игру.

Что мне жизнь! Все забыл, все утратил любя.
Не пойму я тебя. Но люблю я тебя.

Ты ничья. Никому этих глаз не понять.
Подожди! Подожди! Дай хоть взглядом обнять!

* * *

Я боюсь, что любовью кипучей
Я, быть может, тебя оскорбил.
Милый друг, это чувство нахлынуло тучей,
Я бороться не мог, я тебя полюбил.
О, прости! Точно сказкой певучей,
Точно сном зачарован я был.

Я уйду, и умрут укорины,
И ты будешь одна, холодна.
Только скорбной мольбой замолкающей тризны
Донесется к тебе песнопений волна.
Точно песни забытой отчизны,
Точно вздох отлетевшего сна.

НОЧНЫЕ ЦВЕТЫ

В воздухе нежном прозрачного мая
Дышет влюбленность живой теплоты:
В легких объятьях друг друга сжимая,
Дышут и шепчут ночные цветы.

Тени какие-то смутно блуждают,
Звуки невнятные где-то звенят,
В воздухе тают, и вновь возрастают,
Льется с цветов упоительный яд.

То не жасмин, не фиалки, не розы,
То не застенчивых ландышей цвет,
То не душистый восторг туберозы, —
Этим растениям названия нет.

Только влюбленным дано их увидеть,
С ними душою весь мир позабыть,
Тем, что не могут друг друга обидеть.
Тем, что умеют ласкать и любить.

Знай же, о, счастье, любовь золотая,
Если тебя я забыться молю,
Это – дыханье прозрачного Мая,
Это – тебя я всем сердцем люблю.

Если виденья в душе пролетают.
Если ты жаждешь и ждешь Красоты, –
Это вблизи где-нибудь расцветают,
Где-нибудь дышут – ночные цветы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Легкий ветер присмирел,
Вечер бледный догорел,
С неба звездные огни
Говорят тебе: «Усни!»
Не страшись перед Судьбой,
Я как няня здесь с тобой
Я, как няня здесь пою:
«Баю-баюшки-баю».

Тот, кто знает скорби гнет,
Темной ночью отдохнет,
Все, что дышит на Земле,
Сладко спит в полночной мгле,
Дремлют птички и цветы,
Отдохни, усни и ты,
Я всю ночь здесь пропою:
«Баю-баюшки-баю».

* * *

Засветилася лампада
Пред иконою святой.
Мир далекий, мир-громада,
Отлетел, как сон пустой.

Мы в тиши уединенной.
Час, когда колокола
Будят воздух полусонный,
Час, когда прозрачна мгла.

Ласка этой мглы вечерней
Убаюкивает взгляд,
И уколы жгучих терний
Сердце больше не язвят.

Помолись в тиши безмолвной
Пред иконою святой,
Чтобы мир, страданьем полный,
Вспыхнул новою мечтой.

Помолись со мной, родная,
Чтобы жизнь светлей прошла,
Чтобы нас стезя земная
Вместе к гробу привела.

Над пучиной неизвестной
Пусть мы склонимся вдвоем,
Пусть чудесный гимн небесный
Вместе Богу мы споем.

ЛУННЫЙ ЛУЧ

Я лунный луч, я друг влюбленных.
Сменив вечернюю зарю,
Я ночью ласково горю,
Для всех, безумьем озаренных,
Полуживых, неутоленных;
Для всех тоскующих, влюбленных,
Я светом сказочным горю,
И о восторгах полусонных
Невнятной речью говорю.

Мой свет скользит, мой свет змеится,
Но я тебе не изменю,
Когда отдашься ты огню,
Тому огню, что не дымится,
Что в тесной комнате томится.
И все сильнее гореть стремится –
Наперекор немому дню.
Тебе, в чьем сердце страсть томится,
Я никогда не изменю.

* * *

Пред рассветом дремлют воды,

Дремлет сумрак молчаливый,
Лик застенчивой Природы
Дышит ласкою стыдливой.

Но постой – вдали зажгутся,
Вспыхнут полосы огня,
Воды шумно разольются,
И сверкая, и звеня.

Так и ты молчишь бесстрастно,
Нет в душе твоей порыва,
Ты застенчиво-прекрасна,
Ты чарующе-стыдлива.

Но настанет пробужденье,
Новым чувством вспыхнет взгляд,
«Возрожденье! Возрожденье!» –
Струны сердца зазвонят.

ЭЛЬЗИ

Эльзи! Красавица горной Шотландии!
Я люблю тебя, Эльзи!

Лунный луч проскользнул через высокое окно.
Лунный лик потерялся за сетью развесистых елей.
Как прекрасен полуночный час!
Как прекрасна любовь в тишине полуночи!
Эльзи, слушай меня.
Я тебе нашепчу мимолетные чувства,
Я тебе нашепчу гармоничные думы,
Каких ты не знала до этой минуты, вдали от меня,
Не знала, когда над тобою шептались
Родимые сосны далекой Шотландии.
Не дрожи и не бойся меня.
Моя любовь воздушна, как весеннее облачко,
Моя любовь нежна, как колыбельная песня.

Эльзи, как случилось, что мы с тобою вдвоем?

Здесь, среди Скандинавских скал,
Нас ничто не потревожит.
Никто не напомнит мне
О печальной России,
Никто не напомнит тебе
О туманной Шотландии.
В этот час лунных лучей и лунных мечтаний
Мы с тобою похожи на двух бестелесных эльфов,
Мы как будто летим все выше и выше, –
И нет у меня родины, кроме тебя,
И нет у тебя родины, кроме меня.

Как странно спутались пряди
Твоих золотистых волос,
Как странно глядят
Твои глубокие и темные глаза!
Ты молчишь, как русалка.
Но много говорит мне
Твое стыдливое молчание.
Знойные ласки сказали бы меньше.
И зачем нам ласки,
Когда мы переполнены счастьем,
Когда сквозь окно
Для вас горят своими снегами высоты Ронданэ,
И смутное эхо
Вторит далекому говору
Седых водопадов,
И угрюмый горный король
Своей тяжелой стопою будит уснувшие ели.

Я не сжимаю твоей руки в моей руке,
Я не целую твоих губ.
Но мы с тобою два цветка одной и той же ветви,
И наши взоры говорят на таком языке,
Который внятен только нашим душам.

Хочешь, – расскажу тебе старую сагу.
Хочешь, – спою тебе песню.
Здесь, под Северным небом,
Я против воли делаюсь скальдом,
А скальды, – ты знаешь, –
Могли петь свои песни каждый миг.
Будь же моей Торбьёрг Кольбрун,
Будь моей вдохновительницей.
Смотри, перед тобою твой – твой певец,
Тормодд Кольбрунарскальд.

Уж я слышу звуки незримых голосов,
Трепетанье струн нездешней арфы.
Пусть будет моя песня воздушна, как чувство любви,
Легка как шелест камышей,
И если в ней будет
Хоть капля того яда,
Которым я был когда-то отравлен, –
Да не коснется он тебя.

Слушай, Эльзи.

В час ночной, во мгле туманной, где-то там за синей далью,
Убаюканная ветром, озаренная Луной,
Изгибаясь красиво, наклоняясь с печалью,
Шепчет плачущая ива с говорливою волной.
И томительный, и праздный, этот шопот бесконечный.

Этот вздох однообразный над алмазною рекой
Языком своим невнятным, точно жалобой сердечной,
Говорит о невозвратном с непонятною тоской.
Говорит о том, что было, и чего не будет снова.
Что любила, разлюбила охладевшая душа,
И, тая в очах слезинки, полны жаждой неземного.
Белоснежные кувшинки задремали, чуть дыша.
И отравлен скорбью странной, уязвлен немой печалью,
В миг туманный, в миг неожиданный, ум опять живет былым,
Где-то там, где нет ненастья, где-то там за синей далью,
Полон счастья сладострастья пред виденьем неземным.

Что с тобой, моя Эльзи? Ты спишь?
Нет, не спишь?
Отчего ж ты закрыла глаза?
Что ж ты так побледнела?

Лунный лик засверкал
Из-за сети уснувших развесистых елей.
Лунный луч задрожал
На твоём, побледневшем от страсти, лице.
Эльзи, Эльзи, я здесь, я с тобой!
Я люблю тебя! –
Эльзи!

* * *

В стыдливости немой есть много красоты:
Полурасцветшие цветы
Внушают нам любовь и нежное участие,
И девственной Луны пленительна мечта.

Но есть иная красота:
Души влюбленной сладострастье.
Пред этой чудной вспышкой счастья
Полубожественного сна,
Стыдливость чуть горит воспоминаньем бледным,
Как потускневшая Луна
Пред Солнцем пышным и победным.

НЕПОПРАВИМОЕ

М. А. Дурнову

Прекрасен полуночный час для любовных свиданий,
Ужасен полуночный час для бездомных теней.

Как сладко блаженство объятий и страстных рыданий,
И как безутешна печаль о возможном несбывшихся дней!
Прекрасен полуночный час для любовных свиданий.

Земля не устанет любить, и любить без конца.
Промчатся столетья и будут мгновеньем казаться,
И горькие слезы польются, польются с лица,
И тот не устанет рыдать, кто любви был бессилён отдался,
А мир будет вечно любить, и любить без конца.

Франческа, Паоло, воздушные нежные тени,
Вы свято любили, и светит вам нежность в Аду.
Но горе тому, кто замедлил на первой ступени,
Кто ввериться снам не посмел и всю жизнь протомился в бреду.
Франческа, Паоло, в несчастьи счастливые тени!

* * *

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты – Солнце во мраке ненастья,
Ты – жгучему сердцу роса!

Любовью к тебе окрыленный,
Я брошусь на битву с судьбой.
Как колос, грозой опаленный,
Склонюсь я во прах пред тобой.

За сладкий восторг упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы ценой преступленья –
Тебя я хочу!

* * *

Был покинут очаг. И скользящей стопой
На морском берегу мы блуждали с тобой.

В Небесах перед нами сверкал Скорпион,
И преступной любви ослепительный сон

Очаровывал нас все полней и нежней
Красотой содрогавшихся ярких огней.

Сколько тайнства было в полночной тиши!
Сколько смелости в мощном размахе души!

Целый мир задремал, не вставала волна,
Нам никто не мешал выпить чашу до дна.

И как будто над нами витал Серафим,
Покрывал нас крылом белоснежным своим.

И как будто с Небес чуть слышался зов,
Чуть слышался зов неземных голосов.

«Нет греха в тех сердцах, что любовь пьют до дна,
Где любовь глубока – глубока и полна.

Если ж стынет очаг, пусть остынет совсем,
Тот, в ком чувство молчит, пусть совсем будет нем».

И от прошлого прочь шли мы твердой стопой,
Уходили все дальше, и дальше с тобой.

В Небесах потускнел, побледнел Скорпион,
И пурпурной зарей был Восток напоен.

И пурпурной зарей озарился весь мир:
Просветленной любви он приветствовал пир.

Я ЖДУ

Уж ночь зажигает лампы
Пред лицом пресветлым Творца.
Пленителен ропот прохлады,
И водная даль – без конца.

Мечта напевает мне, вторя:
«Мой милый, желанный... Приду!»
Над синею влагою Моря,
В ладье легкокрылой я жду.

Я жду, и заветное слово
«Люблю» повторяю, любя,
И все, что есть в сердце святого,
Зовет, призывает тебя.

Приди, о, любовь золотая,
Простимся с добром и со злом,
Все Море от края до края
Измеряем быстрым веслом.

Умчимся с тобой в бесконечность,
К дворцу сверхземной Красоты,

Где миг превращается в вечность,
Где «я» превращается в «ты».

Хочу несказанных мгновений,
Восторгов безумно святых,
Признаний, любви, песнопений
Нетронутых струн золотых.

Тебе я отдам безвозвратно
Весь пыл вдохновенной души,
Чем жизнь как цветок ароматна,
Что дышит грядущим в тиши.

С тобою хочу я молиться
Светилам нездешней страны,
Обняться, смешаться, и слиться
С тобой, как с дыханьем Весны.

С тобою как призрак я буду,
Как тень за тобою пойду,
Всегда, неизменно, повсюду...
Я жду!

МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМ

Immer weiter.
Goethe

* * *

Восходящее Солнце, умирающий Месяц,
Каждый день я люблю вас и жду.
Но сильнее, чем Месяц, и нежнее, чем Солнце,
Я люблю Золотую Звезду.

Ту звезду золотую, что мерцает стыдливо
В предрассветной мистической мгле,
И в молчаньи вечернем, холодна и прекрасна,
Посылает сияние Земле.

Тем, кто днем утомился и враждой и заботой,
Этот блеск о любви говорит,
Для того, кто во мраке тосковал беспросветно,
Он с высот упованьем горит.

Оттого так люблю я ту Звезду-Чаровницу:

Я живу между ночью и днем,
От нее мое сердце научилося брезжить
Не победным, но нежным огнем.

ДАНТЕ

Видение

Пророк, с душой восторженной поэта,
Чуждавшейся малейшей тени зла,
Один, в ночной тиши, вдали от света,
Молился он, – и Тень к нему пришла.

Святая Тень, которую увидеть
Здесь на земле немногим суждено.
Тем избранным с ней говорить дано,
Что могут бескорыстно ненавидеть
И быть всегда – с Любовью заодно.

И долго Тень безмолвие хранила,
На Данте устремив пылкий взор.
И вот, вздохнув, она заговорила,
И вздох ее речей звучал уныло,
Как ветра шум среди угрюмых гор.

«Зачем зовешь? Зачем меня тревожишь?
Тебе одно могу блаженство дать,
Ты молод, ты понять его не можешь:
Блаженство за других душой страдать.
Тот путь суров. Пустынею безлюдной
Среди песков он странника ведет.
Достигнет ли изгнанник цели чудной –
Иль, не дойдя, бессильно упадет?
Осмеянный глухой толпой людскою,
Ты станешь ненавидящих любить,
Питаться будешь пламенной тоскою,
Ты будешь слезы собственные пить.
И холодна, как лед, людская злоба!
Пытаясь тщетно цепи тьмы порвать,
Как ложа ласк, ты будешь жаждать гроба,
Ты будешь смерть, как друга, призывать!»

И отвечал мечтатель благородный:
«Не страшен мне бездушной злобы лед,
Любовью я согрею мрак холодный.
Я в путь хочу! Хочу идти вперед!»
И долго Тень безмолвие хранила,
Печальна и страдальчески-бледна.
И в Небесах, из темных туч, уныло

Взошла кроваво-красная Луна.

И говорила Тень:

«Себя отринуть,
Себя забыть – избраннику легко.
Но тех, с кем жизнь связал, навек покинуть,
От них уйти куда-то далеко, –
Навек со всем, что дорого расстаться,
Оставить свой очаг, жену, детей,
И много дней, и много лет скитаться,
В чужой стране, среди чужих людей, –
Какая скорбь! И ты ее узнаешь!
И пусть тебе отчизна дорога,
Пусть ты ее, любя, благословляешь,
Она тебя отвергнет, как врата!
Придет ли день, ты будешь жаждать ночи,
Придет ли ночь, ты будешь ждать утра,
И всюду зло, и нет нигде добра,
И скрыть нельзя заплаканные очи!
И ты поймешь, как горек хлеб чужой,
Как тяжелы чужих домов ступени,
Поднимешься – в борьбе с самим собой,
И вниз пойдешь – своей стыдяся тени.
О, ужас, о, мучительный позор:
Выпрашивает милостыню – Гений!»

И Данте отвечал, потупя взор:
«Я принимаю бремя всех мучений!»

.....

И Тень его отметила перстом,
И вдруг ушла, в беззвучии рыдая,
И Данте в путь пошел, изнемогая
Под никому невидимым крестом.

ПОГИБШИЙ

Два отрывка из поэмы

1

Уж ночь. Калитка заперга.
Аллея длинная пуста.

Окован бледною Луной,
Весь парк уснул во мгле ночной.

Весь парк не шелохнет листом.

И заколдован старый дом.

Могильны окна, лишь одно
Мерцаньем свеч озарено.

Не спят – изгнанник среди людей,
И мысли друг, – и враг страстей.

Он в час любви, объятий, снов
Читает книги мудрецов.

Он слышит, как плывет Луна,
Как дышет, шепчет тишина.

Он видит в мире мир иной,
И в нем живет он час ночной.

Тот мир – лишь в нем, и с ним умрет,
В том мире светоч он берет.

То беглый свет, то краткий свет,
Но для него забвенья нет.

2

Помогите! помогите! Я один в ночной тиши.
Целый мир ношу я в сердце, но со мною ни души.

Для чего кровавым потом обагрятся чело?
Как мне тяжело! Как мне душно! Вековое давит зло!

Помогите! помогите! Но никто не внемлет мне.
Только звезды, улыбаясь, чуть трепещут в вышине.

Только лик Луны мерцает, да в саду, среди вершин,
Шепчет Ветер перелетный: Ты один – один – один.

ТРИ СОНЕТА

1. ВОПРОС

Меня пленяет все: и свет, и тени,
И тучи мрак, и красота цветка,
Упорный труд, и нега тихой лени,
И бурный гром, и шопот ручейка.

И быстрый бег обманчивых мгновений,
И цепь событий, длящихся века;

Во всем следы таинственных велений,
Во всем видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой ум не может: –
Зачем Господь в борьбе нам не поможет,
Не снимет с нас тернового венца?

Зачем Он создал смерть, болезнь, страданье,
Зачем Он дал нам жгучее желанье –
Грешить, роптать, и проклинать Творца?

2. ОТКЛИК

Кто там вздыхает в недрах темной бездны?
Чьи слезы льются скорбно по лицу?
Кто шлет свой крик бессильный в мир надзвездный,
Взывая святоотчественно к Творцу?

Богохуленья ропот бесполезный,
Слова упрека, от детей к отцу.
Поймет ли человек закон железный: –
Без вечных мук пришел бы мир к концу.

Ужели маловерным непонятно,
Что правда – только в образе Христа?
Его слова звучат светло и внятно.

«Я – жизни смысл, печаль и красота...
К блаженству Я пришел стезей мученья...
Смерть победил Я светом отреченья...»

3. БИБЛИЯ

В тиши полуразрушенной гробницы
Нам истина является на миг.
Передо мной заветные страницы,
То Библия, святая книга книг.

Людьми забытый, сладостный родник,
Текущий близь покинутой станицы.
В раздумьи вокруг него, склонив свой лик,
Былых веков столпились вереницы.

Я вижу узел жизни – строгий долг –
В суровом Пятикнижьи Моисея;
У Соломона, эллина-еврея,

Любовь и жизнь одеты в яркий шелк;
Но Иов жизнь клянет, клянет, бледнея,
И этот стон доньше не умолк.

* * *

О, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
О, только бы в мыслях, в желаниях слиться
С тем чистым, к чему я так жадно стремлюсь!
И что мне лишенья, и что мне страданья,
И что мне рыдающих струн трепетанья, –
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьме испытанья, –
Но только бы верить всегда,
Но только бы видеть из бездны преступной.
Что там, надо мной, в высоте недоступной,
Горит – и не меркнет Звезда!

* * *

Свеча горит и меркнет и вновь горит сильней,
Но меркнет безвозвратно сиянье юных дней,
Гори же, разгорайся, пока еще ты юн,
Сильней, полней касайся сердечных звонких струн.
Чтоб было что припомнить на склоне трудных лет,
Чтоб старости холодной светил нетленный свет –
Мечтаний благородных, порывов молодых,
Безумных, но прекрасных, безумных – и святых.

НАДГРОБНЫЕ ЦВЕТЫ

Среди могил неясный шопот,
Неясный шопот ветерка.
Печальный вздох, тоскливый ропот,
Тоскливый ропот ивняка.

Среди могил блуждают тени
Усопших дедов и отцов,
И на церковные ступени
Восходят тени мертвецов.

И в дверь церковную стучатся,
Они стучатся до зари,
Пока вдали не загорятся
На небе бледном янтари.

Тогда, поняв, что жизнь минутна,
Что безуспешна их борьба,
Рыдая горестно и смутно,
Они идут в свои гроба.

Вот почему под утро блещут
Цветы над темною плитой:
В них слезы горькие трепещут
О жизни – жизни прожитой.

ИЗ-ПОД СЕВЕРНОГО НЕБА

Из-под северного неба я ушел на светлый Юг,
Где звучнее поцелуи, где пышней цветущий луг.
Я хотел забыть о смерти, я хотел убить печаль,
И умчался беззаботно в неизведанную даль.

Отчего же здесь на Юге мне мерещится метель,
Снятся снежные сугробы, тусклый месяц, сосны, ель?
Отчего же здесь на Юге, где широк мечты полет,
Мне так хочется увидеть воды, убранные в лед?

Да, не понял я, не понял, что с тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, в край волшебный и чужой!
Да, не понял я, не понял, что родимая печаль
Лучше, выше, и волшебней, чем чужбины ширь и даль!

Полным слез, туманным взором я вокруг себя гляжу.
С обольстительного Юга вновь на Север ухожу.
И как узник, полюбивший долголетний мрак тюрьмы,
Я от Солнца удаляюсь, возвращаясь в царство тьмы.

БОЛЬНОЙ

Ах, мне хотелось бы немножко отдохнуть!
Я так измучился, мне в тягость все заботы,
И ждать, надеяться – нет сил и нет охоты,
Я слишком долго жил, мне хочется уснуть.
Вот видишь, я устал. Я жил еще немного,
Но слишком долго жил: мой день длинней, чем год.
Я столько знал тоски, я столько знал невзгод,
Что бесконечно мне кажется дорога, –
Дорога прошлого. Еще одна ступень,
Еще ступень, еще... И вот слабеют силы,
И тени прошлого мне более не милы,

И ночь заманчива, и ненавистен день...
Уснуть, навек уснуть! Какое наслаждение!
И разве смерть страшна? Жизнь во сто крат страшней.
Всего несносней цепь минут, часов, и дней,
Ужасно правды ждать и видеть заблуждение,
И пыл своей души бесцельно расточать,
Жить в неизвестности мучительной и странной,
И вечно раздражать себя мечтой обманной,
Чтоб тотчас же ее с насмешкой развенчать.
Но ты не сердись? Я жалуюсь, тоскую...
Ну, нет, конечно нет... Я знаю, ты добра,
О, запоздалая, о, нежная сестра!
Дай руку мне свою... вот так... я поцелую,
Я буду целовать все пальчики твои; –
Ты знаешь, никогда мне счастье не смеялось,
И в детстве надо мной ни разу не склонялось
Родимое лицо с улыбкою любви.
Но около тебя я полон чем-то новым,
Мне кажется, что я от горя отдохнул;
Вот если бы еще немножко я уснул,
С постели я бы встал совсем-совсем здоровым.
А если я умру? Ты каждую весну
Ведь будешь приходить поплакать у могилы?
Ах, как-то странно мне... Совсем теряю силы...
Послушай, не сердись... Я... кажется... усну!

МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

Бьют часы. Бегут мгновенья.
Вечер вспыхнул и погас.
И настойчивы мученья
В этот поздний горький час.
Луч Луны кладет узоры
На морозное стекло.
Сердца трепетные взоры
Ищут правды, видят зло.
Нет отрады, нет привета
Вне Земли и на Земле,
В царстве солнечного света,
И в холодной лунной мгле.
Мир молчит, а сердце внемлет,
Мчатся годы и века,
Не заснет и не задремлет
Неустанная тоска.
В Небесах плывут Светила
Безутешной чередой,
И бессменно уныло
Тучи стелются грядой.
Зло с добром, печаль с мечтою –

Нераздельная семья,
И бесцельной Красотою
Вспыхнул светоч Бытия.
И как будто кто-то тонет
В этой бездне мировой,
Кто-то плачет, кто-то стонет –
Полумертвый, но живой.
И бегут, бегут мгновенья,
Новый вечер вновь погас,
И настойчивы мученья
В этот поздний горький час.
И напрасно ищут взоры
Разгадать добро и зло.
И Луна кладет узоры
На морозное стекло.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Месяца не видно. Светит Млечный Путь.
Голову седую свесивши на грудь,
Спит ямщик усталый. Кони чуть идут.
Звезды меж собою разговор ведут.
Звезды золотые блещут без конца.
Звезды прославляют Господа Творца.
«Господи», – спросонок прошептал ямщик,
И, крестясь, зевает, и опять поник.
И опять склонил он голову на грудь.
И скрипят полозья. Убегает путь.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ КОШМАР

Едва-едва горит мерцанье
Пустынной гаснущей Луны,
Среди безбрежной тишины,
Среди бездонного молчанья.
Иду один... Везде снега,
Снега и льды, и воздух мертвый,
Над мертвым царством распростертый.
Пустыни снежной берега
Вдали рисуются туманно;
На них гигантские цветы,
В расцвете бледной красоты,
Встают и гаснут беспрестанно.
Бросаю к Небу тусклый взор
И там не вижу тверди синей:
Там бледный, белый, мертвый иней

Сплелся в нависнувший собор.
Иду... Пространству нет предела!
И в этой страшной тишине
Мои шаги не слышны мне.
Мое замерзнувшее тело
Бежит вперед, скорей, скорей, –
Гонимо жаждою бесцельной,
Бежит в пустыне беспредельной.
И тени собственной моей
Не вижу в этом беге вечном, –
И лишь гигантские цветы,
Как вечных снежных гор хребты,
Растут в пространстве бесконечном!

НЕБЕСНАЯ РОСА

День погас, и ночь пришла.
В черной тьме душа светла.
В смерти жизнь, и тает смерть.
Неба гаснущая твердь
Новой вспыхнула красой:
Там серебряной росой,
В самой смерти жизнь любя,
Ночь усыпала себя.
Ходят Ангелы во мгле,
Слезы счастья шлюют земле,
Славят светлого Творца,
Любят, любят без конца.

* * *

Ночью мне виделся Кто-то таинственный.
Тихо склонялся Он, тихо шептал;
Лучшей надеждою, думой единственной,
Светом нездешним во мне трепетал.

Ждал меня, звал меня долгими взорами,
К небу родимому путь открывал,
Гимны оттуда звучала укорами,
Сон позабытый все ярче вставал.

Что от незримых очей заслонялося
Тканью телесною, грезами дня,
Все это с ласкою нежной склонялося,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мне,
Тени вставали и таяли звуками,
Тени к родимой влекли стороне.

Звали Эдема воздушные жители
В царство, где Роза цветет у Креста.
Вот уж я с ними... в их тихой обители...
«Где же я медлил?» – шептали уста.

ПОСЛЕДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ

*Благородному борцу
Петру Федоровичу Николаеву*

Вдали от блеска дня, вдали от шума,
Я жил не год, не два, а сотни лет.
Тюремщик злой всегда молчал угрюмо,
Он мне твердил одно лишь слово: – «Нет».
И я забыл, что в мире дышит свет,
И я забыл, что значат звуки смеха,
Я ждал – чего-то ждал – хоть новых бед.
И мне одна была дана утеха: –
Крича, будить в тюрьме грохочущее эхо.

В уме вставали мысли прежних дней,
И гасли вновь, как беглые зарницы,
Как проблески блуждающих огней,
Как буквы строк сжигаемой страницы,
И вместо них тянулись вереницы
Насмешливых кроваво-смутных снов;
Как хищные прожорливые птицы,
Как полчища уродливых врагов,
Неслись они ко мне на звон моих оков.

И все же в этой черной тьме изгнания
Зажегся блеск, зажегся наконец;
Кипучие и жгучие страдания
Взлелеяли сверкающий венец,
И первый луч смеялся, как гонец
Моей весны, душистого рассвета;
Со вздохом я приветствовал конец
Ночной тоски в пустыне без ответа,
И видел взгляд любви, и слышал гул привета.

И вот я вновь живу среди людей,
Под Солнцем ослепительно-лучистым.
И вижу я детей моих детей,
Внимаю в полдень птичкам голосистым,

Роптанью трав, струям кристально-чистым. –
Но я опять вернулся бы в тюрьму,
К уступам скал, безжизненным и мглистым,
Когда бы знал, что, выбрав скорбь и тьму,
Я с чьей-нибудь души тяжелый грех сниму!

НА МОТИВ ПСАЛМА XVIII-го

Ночь ночи открывает знание,
Дню ото дня передается речь.
Чтоб славу Господа непопранной сберечь,
Восславить Господа должны Его созданья.

Все от Него – и жизнь, и смерть.
У ног Его легли, простерлись бездны,
О помыслах Его вещает громко твердь,
Во славу дел Его сияет светоч звездный.

Выходит Солнце-исполин,
Как будто бы жених из брачного чертога,
Смеется светлый лик лугов, садов, долин,
От края в край небес идет его дорога.

Свят, свят Господь, Зиждитель мой!
Перед лицом Твоим рассеялась забота.
И сладостней, чем мед, и слаще капель сота
Единый жизни миг, дарованный Тобой!

В БЕЗДОННОМ КОЛОДЦЕ

Меж стен отсыревших, покрытых грибками,
В бездонном колодце, на дне, глубоко,
Мы ждем, притаившись, и дышим легко,
И звезды в Лазури сияют над нами, –

Лучистые звезды, горящие днем
Для тех, кто умеет во тьму опускаться,
Чтоб в царстве беззвучья полнее отдаться
Мечтам, озаренным небесным огнем.

Вдали от людского нестройного гула,
Не видя, как скользкая плесень растет,
Мечтой мы бежим все вперед и вперед, –
Вселенная сном безмятежным уснула.

И чище, чем свет суетливого дня,

Воздушной, чем звуки земных песнопений,
Средь звезд пролетает блуждающий Гений,
На лютне незримой чуть слышно звеня.

И в Небе как будто расторглась завеса,
Дрожит от восторженных мук небосклон,
Трепещут Плеяды, блестит Орион,
И брезжит далекий огонь Геркулеса.

Сплетаются звезды – и искрятся днем
Для тех, кто умеет во тьму опускаться,
Для тех, кто умеет во тьме отдаваться
Мечтам, озаренным небесным огнем.

* * *

И Сон и Смерть равно смежают очи,
Кладут предел волнениям души,
На смену дня приводят сумрак ночи,
Дают страстям заснуть в немой тиши.

И в чьей груди еще живет стремленье,
К тому свой взор склоняет Ангел Сна,
Чтоб он узнал блаженство пробужденья,
Чтоб за зимой к нему пришла весна.

Но кто постиг, что вечный мрак – отрада,
С тем вступит Смерть в союз любви живой,
И от ее внимательного взгляда
К страдальцу сон нисходит гробовой.

НА МОТИВ ЭККЛЕЗИАСТА

Род проходит и снова приходит,
Вновь к истокам стекаются реки,
Солнце всходит и Солнце заходит,
А Земля пребывает вовеки.

Веет ветер от Севера к Югу,
И от Юга на Север стремится,
И бежит он во мраке по кругу,
Чтобы снова под Солнцем кружиться.

Суета! Что премудрость и знанье!
Нам одно все века завещали:
Тот, кто хочет умножить познания,

Умножает тем самым печали.

Полдень жжет ослепительным зноем,
Ночь смиряет немим усыплением:
Лучше горсть с невозбранным покоем,
Чем пригоршни с трудом и томлением.

Смех напрасен, забота сурова,
И никто ничего не откроет,
И ничто здесь под Солнцем не ново,
Только Смерть – только Смерть успокоит!

ВОСКРЕСШИЙ

Полуизломанный, разбитый,
С окровавленной головой,
Очнулся я на мостовой,
Лучами яркими облитой.

Зачем я бросился в окно?
Ценою страшного паденья
Хотел купить освобожденье
От уз, наскучивших давно.

Хотел убить змею печали,
Забыть позор погибших дней...
Но пять воздушных сажений
Моих надежд не оправдали.

И вдруг открылось мне тогда,
Что все, что сделал я, – преступно.
И было Небо недоступно,
И высоко, как никогда.

В себе унизив человека,
Я от своей ушел стези,
И вот лежал теперь в грязи,
Полурастоптанный калека.

и сквозь столичный шум и гул,
Сквозь этот грохот безучастный
Ко мне донесся звук неясный:
Знакомый дух ко мне прильнул.

И смутный шопот, замирая,
Вздыхал чуть слышно надо мной,
И был тот шопот – звук родной
Давно утраченного рая: –

«Ты не исполнил свой предел,
Ты захотел успокоенья,
Но нужно заслужить забвеньё
Самозабвеньём чистых дел.

«Умри, когда отдашь ты жизни
Все то, что жизнь тебе дала,
Иди сквозь мрак земного зла
К небесной радостной отчизне.

Ты обманулся сам в себе
И в той, что льет теперь рыданья, —
Но это мелкие страданья.
Забудь. Служи иной судьбе.

Душой отзывною страдая,
Страдай за мир, живи с людьми
И после — мой венец прими...»
Так говорила тень святая.

То Смерть-владычица была,
Она явилась на мгновенье,
Дала мне жизни откровенье
И прочь — до времени — ушла.

И новый, лучший день, алея,
Зажегся для меня во мгле. —
И прикоснувшись к земле,
Я встал с могуществом Антея.

* * *

Символ смерти, символ жизни, бьет полночный час,
Чтобы новый день зажегся, старый день угас.

Содрогнулась ночь в зачатьи новых бодрых сил,
И заплаканные тени вышли из могил.

Лишь на краткие мгновенья мраку власть дана,
Чтоб созрела возроденья новая волна.

Каждый день поныне видим чудо из чудес,
Всходит Солнце, светит миру, гонит мрак с Небес.

Мир исполнен восхищенья миллионы лет,
Видя тайну превращенья тьмы в лучистый свет.

* * *

Горящий атом, я лечу
В пространствах – сердцу лишь известных,
Остановиться не хочу,
Покорный жгучему лучу,
Который жнет в полях небесных
Колосья мыслей золотых
И с неба зерна посылает,
И в этих зернах жизнь пылает,
Сверканье блесков молодых,
Огни для атомов мятежных,
Что мчатся, так же, как и я,
В туманной мгле пустынь безбрежных,
В бездонных сферах Бытия.

* * *

Да, я вижу, да, я знаю: в этой жизни счастья нет.
Счастье брезжит, как мерцанье умирающих планет.

Там в пространствах недоступных, вечно полных тишины,
Ярко дышут, ярко светят Неба огненные сны.

Дышут стройные Светила, блещут только для себя,
К нам невольный свет бросают, нас, безвестных, не любя.

Миллионы, мириады нескончаемых веков,
Мы, отринутые, стонем, слыша звон своих оков.

Мы не знаем, где родится новой истины звезда.
Нами правят два проклятья: *Навсегда* и *Никогда*.

Навсегда в пределах жизни к мнимой смерти мы идем,
И страданье нам смеется над обманчивым путем.

К нам доходит свет небесный – в час, когда умрет звезда.
И с живой душой обняться мы не можем никогда.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

За краткий миг существования
Я сотни лет готов страдать,
И новых – новых пыток ждать
За эту сладость упования,

Что в тусклой мгле небытия
Зажгутся быстрою слезою
Цветы, спаленные грозою,
И брызнет звонкий всплеск ручья,
И сон любви, как призрак, встанет.
И вновь и вновь меня обманет
Улыбкой бледного лица,
И крик души сквозь Вечность грянет
Восторгом жгучим без конца!

* * *

За пределы предельного,
К безднам светлой Безбрежности!

В ненасытной мятежности,
В жажде счастья цельного,

Мы, воздушные, летим
И помедлить не хотим.
И едва качаем крыльями.

Все захватим, все возьмем,
Жадным чувством обойдем!

Дерзкими усилиями
Устремляясь к высоте,
Дальше, прочь от грани тесной,

Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте!

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 1.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>